
ВЂЖА

Игнас Кромберг

Вежа

«Автор»
2026

Кромберг И.

Вежа / И. Кромберг — «Автор», 2026

Декабрь 1915 года. Идёт война, отец Вани с неё не вернулся. А сам Ваня, которому семь лет и десять месяцев, однажды слышит, как его пёс разговаривает с волком.В Сочельник в печную заслонку стучат три раза. Изнутри. Из огня выкатывается свиток: за отроком Иваном придёт Бер и увезёт его учиться.Так Ваня попадает в Вежу, город в глухом лесу. Здесь в домах хозяйничают домовые, русалки ходят босиком по снегу, а у школы каждый день разное число башен.Когда-то сюда так же увезли сестру его деда, Фёклу. Она не вернулась, и дома до сих пор не знают, что с ней случилось.А на самом высоком шпиле сидит белый ворон и смотрит на Ваню.Сказочный роман о русской школе волшебства.

© Кромберг И., 2026
© Автор, 2026

Игнас Кромберг
Вежа

Глава 1

Белый ворон сидел на самом высоком шпиле Вежи.

Отсюда город был виден почти целиком. Заснеженные крыши теснились вдоль узких улиц, между ними поднимался сизый печной дым, на площадях гасли последние фонари, а в окнах одного за другим появлялся тёплый утренний свет. В пекарнях уже топили печи, на рынке открывали лавки, по настилам грохотали тележки, а где-то внизу сердито лаяла собака, которой, судя по всему, совершенно не нравилось наступившее утро.

Над деревянными домами возвышалась школа — огромный белокаменный дворец в самом сердце города. Вежа за века успела обступить его улицами, мастерскими, садами и площадями, но так и не смогла сделать частью себя. Даже отсюда было заметно, насколько он чужд всему, что построили вокруг. Каменные стены были слишком светлыми, окна — слишком высокими, а башни словно принадлежали не одному зданию, а нескольким, поставленным друг на друга людьми, которые никак не могли договориться, что именно строят.

Сегодня башен было семь.

Ещё вчера их было шесть.

Белый ворон склонил голову и некоторое время смотрел на новую башню. Она поднялась над восточным крылом школы — высокая, узкая, с тремя рядами окон и острой крышей, покрытой свежим снегом.

На соседней крыше мужчина сгребал снег деревянной лопатой. Дойдя до края, он выпрямился, потёр поясницу и тоже заметил башню. Несколько секунд он разглядывал её, затем пересчитал остальные.

Получилось семь.

Мужчина пожал плечами и снова взялся за лопату.

Белый ворон сорвался со шпиля. Он пролетел над дворцом, едва не задев крылом каменный флюгер, скользнул над площадью и поднялся выше крыш. Внизу быстро промелькнули торговые ряды, мостки, дворы и последние дома. Ещё несколько взмахов — и город исчез.

Начался лес. Он окружал Вежу со всех сторон и тянулся так далеко, что даже с высоты невозможно было увидеть его края. Старые ели стояли тесно, переплетаясь ветвями, и лишь изредка среди них проглядывали белые поляны или тёмные пятна незамерзающей воды. Дорог не было. Там, где ещё недавно за вороном могла тянуться просека, через несколько мгновений оставались только деревья.

Птица летела, не сворачивая.

Впереди над лесом висели тяжёлые зимние облака. Ворон поднялся выше, вошёл в серую мглу и исчез.

Когда белые крылья снова показались под облаками, лес под ними был уже другим.

Глава 1

Часть 1. ВОЛЧИЙ СЛЕД.

Снежок попал Ване точно в ухо.

Холод обжёг щёку и моментально забрался за ворот. Ваня дёрнулся, споткнулся и едва не растянулся в сугробе под дружный хохот остальных.

— Ах ты ж зараза!

Федька уже убегал.

Ваня вытер лицо мокрой варежкой, зачерпнул снег и на ходу слепил ком.

— Ванька, не надо! — обернулся Федька.

— Поздно!

Снежок ударил Федьку между лопаток и разлетелся белым облаком.

— Получил! — заорал Ваня.

— Ну я тебе сейчас отвечу! — Федька уже сам зачерпывал снег.

— Сначала догони!

Ваня бросился прочь.

В свои семь лет и десять месяцев — эту точность он считал принципиальной — бегал он быстро, особенно когда очень не хотел быть пойманным. Сейчас не хотел совершенно.

Снег доходил почти до колен. Валенки давно промокли, варежки стали тяжёлыми, а шарф сбился куда-то на спину, но домой никто не собирался. До сумерек оставалось совсем немного, и каждый из мальчишек понимал: скоро с разных концов деревни начнут кричать матери.

Потом будет ужин, дрова, вода, домашняя работа, а утром снова дела.

Поэтому сейчас следовало успеть всё.

Ваня нырнул за сарай как раз вовремя: очередной снежок просвистел над головой.

— Мазила!

— Я тебе сейчас покажу мазилу!

Из-за угла появился Федька. Ваня уже ждал его с новым снежком в руке.

Они замерли друг напротив друга.

— Не попадёшь, — сказал Федька.

— Это почему?

— Увернусь.
— А если в упор?
Федька задумался.
— Это нечестно.
— А кто сказал, что будет честно?
Они бросились друг на друга одновременно.

Через полминуты в снегу барахтались уже четверо. Кто-то кричал, что ему насыпали за ворот, кто-то потерял варежку, а Ваня сидел верхом на Федьке и уже собирался натереть ему снегом шапку, когда над улицей разнёсся голос:

— Ва-а-аня!
Ваня замер.
Федька перестал сопротивляться и расплылся в улыбке.
— Всё.
— Чего всё?
— Тебе всё.
— Ва-а-аня!
Второй раз прозвучал хуже первого.
Ваня медленно слез с Федьки. Можно было не отвечать. Иногда это работало.

Правда, он не мог вспомнить ни одного такого случая, но когда-нибудь должно было сработать впервые.

Он поднял потерянную варежку и принялся тщательно отряхивать её от снега.
— Не слышал.
— Конечно, — сказал Федька. — Мы тоже.
Остальные серьёзно закивали.
— Ваня!
Теперь голос матери был заметно ближе.
Ваня вздохнул.

— Завтра.

— Если доживёшь.

Ваня показал Федьке кулак и побрёл домой.

Высоко над деревней пролетел белый ворон. Он сделал широкий круг над улицей, опустился ниже и сел на голую ветку старой берёзы.

Никто из детей его не заметил.

❋

Домой Ваня вошёл осторожно.

Он давно заметил: мать умела по одному звуку открывающейся двери угадать, как прошёл его день. Если дверь распахивалась сразу — всё было хорошо. Если открывалась медленно — сын либо уже что-то натворил, либо ещё только придумывал, как объяснить натворённое.

Поэтому Ваня попытался войти спокойно, как человек, последние два часа прилежно занимавшийся полезным делом.

Не помогло.

Мать стояла возле стола и смотрела прямо на него.

Ваня остановился на пороге.

С шапки капала вода, одна варежка почему-то торчала из-за пояса, шарф волочился сзади, а на левом колене красовалась свежая прореха, которой утром совершенно точно не было.

Мать медленно оглядела сына с головы до ног.

— Красиво.

Ваня решил, что молчание сейчас будет разумнее.

— Я тебя сколько раз звала?

— Я не сразу услышал.

— Не сразу?

— Ветер.

За окном не шевельнулась ни одна ветка.

У печи тихо хмыкнул дед.

Ваня бросил на него укоризненный взгляд. Дед сидел на низкой лавке и чинил старый кожаный ремень, но теперь внезапно заинтересовался им настолько, словно от этой работы зависела судьба всей Российской империи.

Бабушка сидела возле окна и перебирала крупу. Она тоже улыбалась, хотя и пыталась это скрывать.

Мать подошла к Ване и сняла с него мокрую шапку.

— Волосы мокрые. Валенки мокрые. Варежки мокрые. Штаны...

— Не насквозь.

— Какая радость.

Она заметила колено.

— Это что?

Ваня посмотрел вниз так, словно прореха появилась только что и не меньше его интересовала.

— Не знаю.

— Само?

— Наверное.

— Удивительно. У нас вещи последнее время сами рвутся, сами пачкаются и сами исчезают. Домовой, что ли, шалит?

Дед снова хмыкнул.

— Деда!

— А чего я? Я ремень чиню.

Мать повесила шапку возле печи. Когда она отвернулась, Ваня быстро улыбнулся бабушке. Та погрозила ему пальцем, но глаза у неё смеялись.

В доме пахло горячим железом печи, сушёными травами и чем-то мучным. На столе под полотенцем лежало тесто, возле окна стоял самовар, а на печи сохли Ванины вчерашние рукавицы. Там же, свернувшись клубком, спала кошка и не проявляла ни малейшего интереса к семейному разбирательству.

Ваня уже решил, что отделался легко, когда мать сказала:

— Дрова принеси.

— Мам...

— Ваня.

— Там ещё много.

— Было много. Утром.

Он посмотрел на поленницу возле печи. Поленница предательски подтверждала каждое материнское слово.

— А потом можно обратно?

— Куда?

— Ну...

— Нет.

— Я даже не сказал куда.

— А я даже не спрашивала.

На этот раз рассмеялась бабушка.

Ваня вздохнул с достоинством человека, которому выпало жить среди совершенно несговорчивых взрослых.

Мать достала ему сухие варежки.

— Иди. Пока совсем не стемнело.

Он посмотрел в окно.

Это уже был серьёзный довод.

Зимний день уходил быстро. Только недавно снег на улице был белым, а теперь сделался голубоватым, тени от домов вытянулись, и лес за деревней потемнел. Ещё немного — и между деревьями ничего нельзя будет разобрать.

Ваня натянул сухие варежки и вышел наружу.

Пёс ждал у крыльца. Большой, лохматый и совершенно довольный собой. Вся морда была в снегу, будто последние полчаса он специально засовывал голову в каждый попадавшийся сугроб.

— А ты где был?

Пёс завилял хвостом.

— Конечно. Тебе ничего не скажут.

Ваня спустился с крыльца. Пёс пошёл следом.

— Домой.

Пёс продолжал идти.

— Я сказал — домой.

Тот посмотрел на Ваню, потом отвернулся и пошёл дальше.

— Ну и иди.

Они пошли вместе. Поленница стояла за сараем, почти у самого края двора. Дальше начинался огород, за ним тянулась старая изгородь, а ещё дальше лежало открытое заснеженное поле. Летом оно отделяло деревню от леса, но зимой расстояние будто исчезало: ни травы, ни дороги, ни работающих людей — только белое пространство, за которым сразу вставали тёмные ели.

Ваня набрал первую охапку и сложил её возле сарая. Одного раза было мало. Мать заметит. Два раза — тоже заметит. Значит, придётся три.

Пёс тем временем куда-то исчез.

— Эй!

Ответа не было. Ваня выглянул из-за сарая, но пса не увидел.

— Ну и ходи где хочешь.

Одно полено примерзло к соседнему. Ваня ухватился за него обеими руками, потянул и наконец выдернул, едва не упав на спину.

Тогда за сараем хрустнула ветка. Он остановился и прислушался. Ничего. Наверное, пёс.

Ваня снова принялся за дрова, но через несколько секунд понял, что именно его беспокоило.

Пёс не лаял. Это было странно. Пёс лаял на соседей, на лошадей, на птиц, на незнакомые сани, однажды полдня лаял на собственную тень. Если за изгородью было что-нибудь интересное, вся деревня обычно узнавала об этом раньше хозяев.

Сейчас стояла тишина.

Ваня осторожно выглянул из-за поленницы. Пёс стоял у изгороди, неподвижно глядя в поле. Ваня проследил за его взглядом — и увидел волка: тот стоял почти вплотную с другой стороны изгороди.

Первой мыслью было позвать деда.

Волков Ваня видел и раньше, но всегда издалека. Следы встречал часто, однажды дед показывал ему шкуру. Живой зверь в нескольких десятках шагов оказался совсем не похож на шкуру, висящую на стене.

Волк был большим, худым, длинноногим, серый мех на загривке от мороза казался серебристым. Он не рычал, не скалился и вообще не обращал на Ваню внимания — он смотрел на пса, пёс смотрел на него, и ни один не двигался.

Ваня задержал дыхание. Нужно было тихо отойти к дому и позвать деда. Он уже сделал шаг назад, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить на ветку, когда услышал:

— Ну и чего ты там у них забыл?

Ваня замер: голос был мужской, негромкий и немного хрипловатый. Он осторожно оглянулся — за сараем было пусто, возле дома тоже никого, даже со стороны соседнего двора никто не шёл.

— Кормят, — ответил второй голос. — У печи сплю.

Ваня нахмурился — этот голос он тоже слышал впервые.

— За еду служишь?

— Зато хвост зимой не морожу.

Волк сел.

Пёс тоже.

Ваня медленно выглянул из-за поленницы ещё раз.

Никого.

Только они.

— И миску дают, — продолжил второй голос. — Иногда с мясом.

Волк фыркнул.

— Великое дело.

Ваня перевёл взгляд на пса, и тот открыл пасть.

— Сам небось жрать хочешь.

Полено выскользнуло у Вани из рук и глухо упало в снег.

Оба зверя одновременно повернули головы.

Ваня не шевелился.

Пёс смотрел на него привычно, чуть склонив голову набок, будто ждал, когда хозяин наконец поднимет дрова и перестанет заниматься ерундой. Волк смотрел иначе. Долго и внимательно.

— Ты... — начал Ваня и сам услышал, как глупо прозвучал его голос. — Ты сейчас говорил?

Пёс моргнул.

— Я тебя спрашиваю. Ты говорил?

Волк перевёл взгляд с Вани на пса.

Потом обратно.

В его морде что-то изменилось. Ваня не сразу понял что, а потом догадался: волк словно бы усмехался.

— Смотри, чтобы щенок твой не проболтался, — сказал он псу. — А то выгонят тебя из дома, и уже ты будешь свою ж... хвост морозить.

Пёс недовольно рыкнул.

— Иди уже.

— Иду, иду.

Волк поднялся, потянулся передними лапами и неторопливо направился к лесу.

— Стой!

Волк продолжал идти.

Ваня шагнул к изгороди.

— Подожди!

Серый зверь даже не обернулся. Он вошёл между деревьями, ещё несколько секунд мелькал среди тёмных стволов, а потом лес его проглотил.

Ваня долго смотрел туда, где исчез волк, потом медленно повернулся к псу. Тот сидел на прежнем месте.

— Так, — сказал Ваня. — А с тобой мы сейчас поговорим.

Пёс завилял хвостом.

— Не виляй. Ты умеешь говорить.

Пёс перестал вилять.

— Вот! Понял же!

Пёс снова завилял.

Ваня подошёл ближе и присел перед ним.

— Скажи что-нибудь.

Пёс молчал.

— Ну?

Тот наклонил голову.

— Только что разговаривал.

Пёс наклонил голову в другую сторону.

— Я слышал.

Пёс моргнул.

— Не делай так.

Ещё один морг.

— Вот специально ведь делаешь.

Пёс поднялся, подошёл к Ване и ткнулся холодным носом ему в щёку.

— Да не это. Скажи.

Нос ткнулся снова.

— Хватит.

Пёс лизнул его в нос.

— Фу!

Ваня отшатнулся, вытирая лицо рукавом. Пёс решил, что это наконец-то понятная игра, прыгнул на него, и через мгновение оба свалились в снег.

— Да уйди ты! Всё! Всё, сдаюсь!

Пёс отступил и радостно затоптался рядом — а Ваня остался сидеть в сугробе.

Перед ним был тот же самый пёс, которого он знал сколько себя помнил. Тот самый, что спал возле печи, выпрашивал у бабушки мясо, таскал по двору старые рукавицы и прошлым летом несколько часов подряд лаял на собственное отражение в тазу.

И этот же пёс только что разговаривал с волком.

Ваня посмотрел на него внимательнее.

Пёс посмотрел в ответ.

Ваня улыбнулся.

Странно, но страшно ему не было.

Если бы сейчас из-за сарая вышел человек и сказал, что всё это было шуткой, Ваня, пожалуй, расстроился бы.

Потому что мир вдруг оказался гораздо больше, чем был утром.

До сегодняшнего дня в нём существовали вещи, которые Ваня знал, вещи, которых он не знал, и вещи, которые взрослые называли сказками.

Теперь порядок нарушился.

Пёс умел разговаривать.

Волк умел разговаривать.

Следовательно, нужно было выяснить, кто ещё умеет.

Ваня поднялся, отряхнул штаны и посмотрел на пса.

— Ладно. Не хочешь — не говори.

Хвост заходил из стороны в сторону.

— Я всё равно выясню.

Над головой тихо скрипнула ветка. Ваня поднял глаза: на старой берёзе сидел ворон.

Сначала мальчик решил, что снег просто налип на его перья, но птица шевельнулась, и стало понятно: она действительно была белой. Совсем белой, от головы до кончиков длинных крыльев. На фоне заснеженных ветвей её выдавали только тёмный клюв и чёрные глаза.

Таких воронов Ваня никогда не видел, а птица смотрела прямо на него.

Ещё четверть часа назад Ваня, возможно, просто удивился бы и пошёл домой.

Теперь обстоятельства изменились.

— А ты? — спросил он.

Ворон не шевельнулся.

— Ты тоже говорить умеешь?

Ничего.

— Я всё равно уже знаю.

Птица продолжала смотреть.

— Волка слышал. Его слышал.

Ваня указал на пса.

Тот почему-то перестал вилять хвостом.

— Так что можешь не притворяться.

Ворон молчал.

— Ну скажи что-нибудь.

Тишина.

Ваня подождал.

— Каркай хотя бы.

Птица не издала ни звука.

От её взгляда Ване стало не по себе. Не страшно — скорее неловко, как бывало, когда дед молча смотрел на него, уже зная ответ на вопрос, который только собирался задать.

— Чего смотришь?

Белый ворон расправил крылья.

Пёс тихо заскулил.

— Эй.

Ворон сорвался с ветки и полетел прочь. Несколько раз белые крылья мелькнули между тёмными стволами, затем птица поднялась над лесом и исчезла в быстро сгущавшихся сумерках.

Ваня проводил её взглядом.

— Странный.

Пёс снова заскулил.

Ваня резко посмотрел на него.

— Что?

Пёс принялся чесать задней лапой ухо.

— Нет, погоди. Ты сейчас что сказал?

Пёс закончил чесаться и посмотрел на хозяина.

Ваня ждал.

Ничего.

— Ну и пожалуйста.

Он вернулся к поленнице и только теперь обнаружил, что дрова всё ещё лежат там, где он их бросил.

Солнце уже скрылось. Деревня зажигала первые огни, снег стал синим, а дальние деревья сливались в одну тёмную стену.

Ваня торопливо собрал поленья.

Обычно в это время он старался не прислушиваться к лесу. Так было проще. Скрип дерева оставался скрипом дерева, треск ветки — треском ветки, а далёкий вой можно было списать на волков.

Теперь не получалось.

Он слышал, как где-то в чаще перекликаются птицы. Слышал собаку на другом конце деревни. Слышал, как под крышей сарая возятся воробьи. Звуки были знакомыми, но Ваня невольно пытался разобрать в каждом из них слова.

Пока ничего.

И тут ему пришла в голову мысль: а что, если они говорили всегда?

Возможно, пёс не начал разговаривать сегодня. Возможно, волк не сделал ничего необычного. Возможно, весь лес разговаривал каждое утро, каждый день и каждую ночь.

Просто раньше Ваня слышал только шум.

Он замер с поленьями в руках и посмотрел на лес.

Тот стоял перед ним огромный, тёмный и совершенно спокойный.

Впервые Ване показалось, что тишина и молчание — не одно и то же.

— Ваня! Дрова!

Он вздрогнул так сильно, что чуть снова их не уронил.

— Несу!

Пёс уже мчался к дому.

— А ну стой! Это всё из-за тебя!

Пёс прибавил ходу.

Ваня побежал следом, прижимая дрова к груди.

За его спиной окончательно стемнело.

⁂

На следующий день Ваня начал с кур.

Если уж проверять произошедшее, следовало делать это как следует.

Куры казались подходящими. Их было восемь, они постоянно кудахтали и, по мнению Вани, просто обязаны были что-нибудь обсуждать.

Он забрался в курятник сразу после завтрака, закрыл за собой дверь и сел на перевёрнутое ведро.

— Ну, — сказал он. — Кто главный?

Куры продолжали заниматься своими делами. Одна клюнула солому. Другая клюнула первую — судя по всему, за то, что та клюнула не туда солому.

— Я всё равно жду.

Через десять минут одна курица снесла яйцо, две подрались, а самая наглая попыталась клюнуть его валенок с таким видом, будто именно валенок был во всём виноват.

Ваня решил, что если куры и разговаривают, то исключительно о еде и о том, кто где стоит не на своём месте. Разговор ему не понравился бы даже на человеческом языке.

С коровой он зашёл иначе.

— Ты меня понимаешь?

Корова жевала.

— Если понимаешь — моргни.

Корова моргнула.

Ваня подобрался.

— Ещё раз!

Корова не моргала три минуты подряд, а потом моргнула так неохотно, что стало ясно: дело было не в понимании, а в глазах, которые давно пора было прикрыть от сквозняка.

С кошкой Ваня решил действовать хитро.

— Там мышь, — сказал он. — За сундуком.

Кошка открыла один глаз, потом второй, спрыгнула с печи и скрылась за сундуком. Через несколько секунд оттуда донеслось разочарованное шипение — мыши, судя по всему, не было и не планировалось.

Кошка вышла, посмотрела на Ваню долгим взглядом и вспрыгнула обратно на печь, всем своим видом давая понять, что разговор, если он и был возможен, только что закончился навсегда.

Ваня понял главное: способность говорить и желание говорить с ним — вещи разные.

Оставался пёс.

— Я всё понял, — сказал ему Ваня, усаживаясь рядом на крыльце. — Вы просто молчите специально. Из вредности.

Пёс вздохнул — длинно, с подвывом, как умеют только собаки, у которых накопились к хозяину вопросы, но нет способа их задать.

— А со мной, значит, неохота?

Хвост стукнул по ступеньке один раз. То ли согласие, то ли просто хвост.

Так прошло несколько дней. Пёс молчал так убедительно, что Ваня начал подозревать, не приснилось ли ему всё это на самом деле. Волк не возвращался. Белый ворон не показывался — ни на берёзе, ни на крыше сарая, нигде.

Жизнь снова стала обычной.

Почти.

⁂

Ваня проснулся оттого, что в избе было слишком тихо.

Он не сразу понял, что именно его разбудило, — а потом сообразил: не звук. Отсутствие звука. Пёс во дворе не лаял, но лаял только что, минуту назад, Ваня успел это услышать краем сна и теперь ждал продолжения, которого не было.

В печи за заслонкой тлели угли. По потолку полз слабый красный отсвет, и от этого тени в углах избы казались живыми — вздрагивали, когда огонь трещал сильнее.

Внизу скрипнула половица.

Дед не спал.

Ваня приподнялся на полатях ровно настолько, чтобы видеть вниз, не показавшись самому.

Дед сидел на лавке, уже одетый — будто и не ложился, — и смотрел на дверь так, как смотрят не на дверь, а на то, что может из-за неё раздаться.

Снаружи снова коротко и зло тявкнул пёс. И замолчал так резко, будто ему заткнули пасть рукой.

Дед встал.

— Деда.

— Спи.

— Там кто-то есть.

— Мало ли кто.

Он подошёл к окну, но не стал открывать ставню, только чуть отодвинул занавеску пальцем — на ширину щели, не больше. Постоял так. Ваня видел его спину, широкую, неподвижную, и то, как медленно поднимается и опускается плечо в такт дыханию.

— Деда, а если это...

— Спи, я сказал.

Голос был тихим, но в нём появилось что-то, чего Ваня раньше не слышал. Не страх — скорее осторожность, с которой берут в руки то, что может обжечь.

За окном хрустнул снег. Один раз. Медленно, будто кто-то нарочно наступил и подождал, прежде чем сделать следующий шаг.

Дед не шевельнулся.

Хруст не повторился.

Прошла минута. Потом другая. Угли в печи прогорели чуть сильнее и осыпались с тихим шорохом, и от этого звука Ваня вздрогнул сильнее, чем от тишины.

Наконец дед отпустил занавеску.

— Ушёл, — сказал он то ли Ване, то ли себе.

— Кто ушёл?

Дед не ответил. Он вернулся к лавке, сел, но не лёг — так и остался сидеть, глядя в сторону двери, будто не совсем ей верил.

Ваня лежал в темноте и думал о том, что дед ни разу не спросил, кто это может быть. Не удивился. Не испугался вслух. Только слушал — так, как слушают то, чего давно ждали.

Уснул он не скоро.

⁂

Утром возле крыльца были следы.

Пёс натоптал вокруг них так основательно, что разобрать что-либо стало почти невозможно, — но за изгородью, по нетронутому насту, тянулась в сторону леса ровная цепочка. Крупная. Волчья.

Ваня остановился над ней, засунув руки в рукава.

— Деда, смотри.

Дед подошёл, посмотрел на след долгим взглядом, каким смотрят на что-то знакомое, а не удивительное, потом на лес — тёмный, тихий, ничем не выдающий вчерашнего гостя.

— Ну, был, — сказал он наконец. — И что теперь.

— А что ему было надо?

— Тебя спросить забыл.

Он сходил за лопатой и принялся закидывать след снегом — неторопливо, как закидывают то, что должно быть закрыто, а не то, чего боятся.

Ваня смотрел, как исчезает цепочка следов, и думал: если дед не боится, значит, бояться, наверное, и правда нечего.

А если знает — значит, будет молчать столько, сколько сочтёт нужным.

До Сочельника оставалось два дня, и снег в ту зиму падал так, будто у него не было других дел.

Часть 2. ТРИ СТУКА.

Два дня тянулись медленно, как хлебное тесто, если его без конца мять руками и не давать подойти.

Ваня честно пытался не забрасывать своё расследование. Он снова пробовал заговорить с курами — куры снова были заняты исключительно друг другом. Он снова присматривался к корове — та моргала, но, кажется, просто потому, что моргают все коровы на свете, а вовсе не потому, что что-то понимала. Пёс продолжал оставаться самым обыкновенным псом: вилял хвостом, выпрашивал корки и ни разу больше не сказал ни слова.

Волк не показывался.

Белый ворон тоже пропал — ни на берёзе, ни на коньке сарая, нигде.

Дня через два Ваня начал ловить себя на мысли, что, может быть, ему всё-таки почудилось. Не то чтобы он в это поверил — но мысль такая была, и она была на удивление удобной. Проще жить, зная, что мир прежний, чем помнить каждую минуту, что где-то рядом ходит нечто, умеющее говорить и не желающее с тобой разговаривать.

Так незаметно подошёл Сочельник.

Есть в этот день не полагалось до первой звезды. Ваня знал это правило с тех пор, как себя помнил, и каждый год оно казалось ему одинаково несправедливым — тем более сегодня, когда с самого утра по избе плавал запах кутьи.

— Ещё долго? — спросил он у бабушки в третий раз за утро.

— До звезды, — ответила она, как отвечала всегда.

— А если тучи?

— Тогда до тех пор, пока мать не решит, что довольно тебя мучить.

Ваня посчитал это не самым надёжным ориентиром, но уточнять не стал.

К обеду дом уже пах не просто едой, а праздником: распаренной пшеницей, мёдом, чем-то сладким и вязким, что варилось в печи с самого рассвета и от одного запаха которого сосало под ложечкой сильнее обычного.

— Кутья, — сказал Ваня со вздохом человека, приговорённого к ожиданию.

— Кутья, — подтвердила мать. — Вечером.

— А сейчас?

— Сейчас дрова.

Ваня заметил, что за последние два дня это «сейчас дрова» стало ответом почти на любой его вопрос, и решил больше не проверять закономерность.

⁂

Ближе к полудню за окном раздался знакомый свист — так Федька звал не хотевшую отзываться на обычный крик матушкину скотину, а заодно и Ваню, если тот был занят чем-то, что можно было бросить.

Ваня выглянул. Федька стоял у изгороди, замотанный в шарф чуть ли не по самые глаза, и держал в руках плошку, укутанную полотенцем.

— Кутью несу, — крикнул он с гордостью человека, которому доверили важное дело. — Бабке Аксинье. Она вон там, у леса живёт, одна совсем.

— А обратно с чем пойдёшь?

— Она пряников даёт. Каждый год.

— Врёшь.

— Вот те крест.

Мимо, поскрипывая полозьями, проехали сани — соседский мужик вёз что-то, укрытое рогожей, и весело покрикивал на лошадь, хотя торопиться вроде было и некуда. От колодца доносился женский смех — там, несмотря на мороз, кто-то задержался дольше обычного, обсуждая, надо думать, вовсе не воду.

— А у вас что сегодня? — спросил Федька.

— Кутья. Ждём звезды.

— И у нас так же.

Помолчали немного, как молчат люди, у которых, в сущности, всё сказано, но расходиться пока не хочется.

— Пёс твой как? — вдруг спросил Федька. — Говорить не начал?

Ваня похолодел — на мгновение ему показалось, что каким-то образом всё раскрылось. Но Федька просто смеялся, вспоминая старую дразнилку, которую сам же и придумал ещё летом, когда пёс два часа скулил у чужого крыльца, будто вёл переговоры.

— Молчит, — сказал Ваня, стараясь, чтобы голос прозвучал как обычно. — Как всегда.

— Ну и ладно. Мне бежать, а то Аксинья решит, что кутью я по дороге сам съел.

Он бодро зашагал прочь, придерживая плошку локтями, а Ваня ещё долго смотрел ему вслед, пока фигура не скрылась за поворотом улицы, среди дыма из печных труб, поднимавшегося в неподвижном морозном воздухе так ровно, будто вся деревня разом выдохнула.

День шёл своим чередом, обычный, хлопотливый, предпраздничный: мать с бабушкой у печи, пёс путался у всех под ногами в надежде урвать лишний кусок раньше положенного часа. Ничто в этом дне не отличалось от прошлых Сочельников, кроме, разве что, самого Вани — он то и дело поглядывал на пса чуть внимательнее обычного, будто ждал, что тот вот-вот скажет что-нибудь. Пёс не говорил.

На дворе дед в этот день был занят дольше обычного.

Сперва он долго возился с поленницей — не просто подкладывал дрова, а перекладывал заново, будто ему важно было, чтобы поленница на эту ночь стояла именно так, а не иначе. Потом обошёл хлев, проверил щеколду на воротах два раза, хотя проверял её и утром. Ваня, наблюдавший за ним из окна, не сразу понял, что дед делает что-то помимо обычных хозяйственных дел.

К вечеру, когда уже начало смеркаться, дед вышел за калитку — один, без Вани, что тоже было странно: обычно он охотно брал внука с собой хоть на минутное дело.

Ваня всё же выскользнул следом, тихо, стараясь ступать в его же следы.

Дед остановился шагах в двадцати от дома, там, где огород граничил с открытым полем. Достал из-за пазухи что-то завёрнутое в тряпицу — кусок хлеба, кажется, ещё вчерашнего, — и положил его на снег, у самого края изгороди, не под дерево и не на пень, а просто на открытое место, будто там, а не в лесу, сегодня было важнее.

Он не сказал ничего вслух. Просто постоял немного, глядя в сторону тёмных елей на горизонте, потом коротко, почти незаметно кивнул — не Ване, не дому, а самому этому пустому вечернему полю, — и повернул обратно.

Только у крыльца он заметил внука.

— Ты почто здесь? — спросил он без особого удивления, будто ждал этого.

— Смотрел.

Дед долго молчал, отряхивая снег с валенок о ступеньку.

— В такую ночь угощают не одного хозяина леса, — сказал он наконец, не глядя на Ваню. — Сегодня всем надо, кто где ходит. Так исстари ведётся.

— Каким всем?

— Тем, кому положено.

Больше он ничего не прибавил, и Ваня, уже наученный опытом последних дней, не стал переспрашивать. Только запомнил — крепко, как запоминают вещи, которые взрослые не объясняют, но явно считают важными.

❉

Звезда в тот вечер появилась не сразу.

Небо долго было затянуто ровной серой пеленой, и Ваня несколько раз бегал к окну, вглядываясь в просветы между облаками с таким усердием, будто от него самого зависело, взойдёт она или нет.

— Не смотри так, — сказала бабушка. — Небо не любит, когда его торопят.

Наконец, уже почти в темноте, облака разошлись ровно настолько, чтобы в узкой прорехе показалась одна-единственная холодная звёздочка.

— Есть! — закричал Ваня так, будто нашёл её сам.

Дед выглянул в окно, кивнул один раз и молча пошёл к столу.

Стол уже был накрыт — скатертью почище обычной, с угла на угол, и на нём стояла миска с кутьёй, испускавшая тёплый пар, а рядом ещё несколько мисок поменьше: варёная капуста, грибы, что-то из репы. В красном углу под образами горела свеча — не лучина, а настоящая свеча, которую в другие дни берегли.

Ужинали весело — насколько вообще может быть весело после сорока дней поста и целого дня ожидания одной-единственной ложки кутьи. Ваня уплетал за обе щёки, дед впервые за день сказал что-то похожее на шутку, а бабушка то и дело подкладывала добавки, приговаривая, что в такой вечер грех считать куски.

Ваня как раз потянулся за третьей порцией, когда в дверцу печи постучали.

Тук.

Все за столом замерли одновременно — не потому, что ждали чего-то, а потому, что звук был совсем не тот, к которому привыкло ухо. Не треск полена, не осадка углей. Кто-то стучал в чугунную заслонку — размеренно, коротко, как стучат в дверь.

Дед медленно опустил ложку.

— Что это? — спросил Ваня в наступившей тишине.

Никто не ответил.

Тук.

Второй раз.

Мать быстро взглянула на деда. Дед не смотрел ни на кого — он смотрел прямо на дверцу, и лицо его сделалось таким, каким Ваня видел его только раз, той ночью у окна.

— Деда...

— Тихо, — одними губами сказал дед.

Тишина между вторым и третьим стуком показалась Ване бесконечной.

Он не выдержал первым.

— Заходите, открыто! — выпалил он, лишь бы прогнать эту тишину хоть чем-нибудь.

Дед развернулся так быстро, что Ваня не успел даже понять, что происходит, и в следующее мгновение получил лёгкий, но чувствительный подзатыльник.

— Ай!

— Молчи, — сказал дед, и в его голосе не было ни капли шутки.

— Я просто...

— В Сочельник ночью никого не зовут в дом. Никогда. Запомни.

Ваня хотел спросить почему, но вопрос застрял где-то на полпути — бабушка коротко покачала головой, и он решил, что этот вечер, пожалуй, не лучшее время для расспросов.

Тук.

Третий раз.

И тогда чугунная дверца сама, без чьей-либо руки, качнулась и со скрипом отошла в сторону.

Из тёмного зева печи, из-за ещё тлеющих углей, будто их вытолкнуло само пламя, выкатился на шесток свиток.

Он лежал на раскалённом кирпиче — и не тлел, не дымился, не чернел. Чистый, будто пролежал всю жизнь не в печи, а в сундуке.

Никто за столом не пошевелился.

Пёс у печи медленно поднял голову и глухо, тихо зарычал — не на Ваню, не на дверь, а куда-то в пустоту перед собой.

— Деда, — прошептал Ваня. — Деда, там...

Дед не ответил. Он смотрел на свиток так же, как два дня назад смотрел на волчий след у крыльца, — не удивлённо, а узнающе, словно давно ждал, что рано или поздно увидит его снова.

Дед поднялся из-за стола рывком, в два шага оказался у печи и кочергой аккуратно прикрыл дверцу заслонки — будто боялся не углей, а самого свитка. Не глядя ни на кого, наклонился и осторожно, двумя пальцами, поднял его с шестка.

Ваня хотел спросить, но бабушка снова качнула головой — резче, чем в прошлый раз, — и он промолчал.

Свиток был тонким, перевязанным простой бечёвкой без узла — она сама разошлась, стоило деду потянуть за конец.

Он развернул его медленно, поднёс ближе к свече и стал читать. Читал он с трудом, по слогам, водя пальцем под строкой, как водят дети, только-только осилившие буквы, — и от этого каждое слово выходило тяжёлым, будто его приходилось выкапывать.

— На Сре... тение... — начал он глухо, — с рас... светом... Бер... явится...

Тут он остановился.

Плечи его дрогнули один раз — коротко, почти незаметно, — и по щеке, в седую бороду, скатилась одна-единственная слеза. Дед не смахнул её. Он будто не заметил.

— Деда? — прошептал Ваня.

Дед не ответил. Он дочитал до конца — тем же надтреснутым голосом — и опустил свиток на стол.

— «...явится за отроком Иваном, — повторил он вслух, уже не по буквам, а по памяти. — Надлежит передать его на обучение силам добрым. Скарба с собой не брать — токмо то, что дитя снести сможет само».

В избе стало так тихо, что было слышно, как потрескивает свеча.

Мать медленно поднялась со скамьи. Она сделала движение к Ване — будто хотела обнять его, заслонить собой, — но остановилась на полпути, так и не донеся руки, словно вдруг поняла, что заслонять уже нечем и не от чего.

— Отец, — тихо сказала она. — Что это значит?

Дед не ответил и ей.

Он молча свернул свиток, положил его на край стола — подальше от себя, будто тот жёг руки, — и, не говоря ни слова, подошёл к старому сундуку у стены. Порылся в нём недолго и достал кисет с табаком — потемневший, пропахший временем сильнее, чем табаком, — а после отошёл к окну и трясущимися пальцами принялся сворачивать самокрутку.

Ваня замер. За все свои неполные восемь лет он видел деда курящим лишь однажды — в тот день, когда пришла бумага про отца. С тех пор кисет так и лежал в сундуке без дела, и Ваня был уверен, что дед о нём давно забыл.

Дед закурил, глубоко затянулся и долго молчал, глядя в тёмное окно.

— Отец, — снова позвала мать, уже тверже. — Скажи.

— Бер, — сказал наконец дед, не оборачиваясь. — Значит, Бер.

Он затянулся ещё раз.

— Я думал, забыл про нас. Столько лет прошло.

— Кто такой Бер? — спросила мать. — Отец, я тебя не понимаю.

Дед долго молчал, прежде чем ответить. Когда он наконец заговорил, голос его звучал так, будто он вытаскивал слова из очень глубокого и очень старого места.

— У меня сестра была. Младшая. Фёклой звали.

Бабушка тихо охнула — не удивлённо, а так, будто услышала имя, которое не произносили в этом доме много лет.

— За ней тоже приходил Бер. Такой же вот свиток был, такой же стук в печку. Мне тогда десять годов было, ей — семь.

Он снова замолчал, и в этом молчании было куда больше, чем в любых словах.

— Забрали её в школу. Учиться на колдунью, али как это у них называется. Я после того года три места себе не находил — всё думал, почему не меня.

— И что с ней стало? — тихо спросил Ваня.

Дед посмотрел на него — впервые за весь вечер прямо, в упор.

— Погибла. По глупости своей. Так и лежит в чужой земле, среди чужих нам людей.

Он снова отвернулся к окну.

— Опять... опять... опять... — прошептал он, и Ваня не сразу понял, что дед говорит уже не о сестре. — Проклятое место у нас. Проклятое.

За окном было темно и совсем тихо — так тихо, что казалось, будто и лес за деревней перестал дышать, дожидаясь, что скажут дальше.

Но дед больше ничего не сказал.

Спать Ваню отправили раньше обычного — мать сказала, что завтра рано вставать, хотя завтра было самым обыкновенным днём, и Ваня прекрасно это знал. Спорить, впрочем, не стал: сил спорить не осталось, вечер и без того вытянул из него куда больше, чем целый день беготни по снегу.

Он забрался на полати, укрылся с головой, полежал немного нарочито неподвижно — а потом, когда снизу перестали доноситься шаги и шум сборов со стола, осторожно откинул край одеяла и стал слушать.

Дед так и стоял у окна. Огонёк самокрутки то разгорался, то тускнел — размеренно, как дыхание человека, который специально следит за тем, чтобы дышать ровно. Он не произнёс больше ни слова с того самого «проклятое место», и, кажется, не собирался.

Мать убирала со стола — тихо, но не так, как убирают, когда просто убирают. Миски она составляла аккуратнее обычного, будто боялась звякнуть громче, чем позволяла тишина в избе. Бабушка сидела у печи, сложив руки на коленях, и смотрела не на деда и не на мать, а куда-то в сторону свитка, всё ещё лежавшего на краю стола, — туда, где начинался круг тёплого света от свечи и заканчивалась темнота остальной избы.

Когда шаги деда наконец простучали к двери и он вышел — вероятно, докурить или просто побыть одному в сенях, — мать замерла с миской в руках, будто ждала именно этого момента.

— Мама, — тихо позвала она.

Бабушка подняла на неё глаза.

— Ты знала? Про эту сестру? Про Фёклу?

Бабушка помолчала так долго, что Ваня решил было, что она не ответит вовсе.

— Знала, — сказала она наконец. — Ещё до того, как за него замуж пошла. Сам мне сказал, когда сватался. Сказал — чтобы потом не удивлялась, если чего.

— Почему же ты мне никогда...

— А что тебе было говорить? — бабушка чуть повысила голос, но тут же одёрнула себя, покосившись на дверь в сени. — Что у мужа твоего покойного единственная тётка родная колдуньей была да сгинула невесть где? Радости в этом сколько, скажи мне.

Мать медленно опустилась на лавку, так и не поставив миску на стол — просто держала её в руках, забыв про неё вовсе.

— Расскажи, — попросила она. — Хоть что-нибудь. Я ведь теперь... я теперь должна знать, мама. Раз это моего сына касается.

Бабушка вздохнула — тем особым вздохом, каким вздыхают люди, соглашающиеся сделать то, чего делать не хотели уже много лет.

— Фёкла тихая была, — начала она, глядя не на мать, а куда-то в огонь. — Дед-то её хорошо помнит — тихая да задумчивая. Он ведь старший, любил её без памяти, всё за ручку водил, покуда мог. А потом за ней тоже пришли. Такой же вот вечер был, слышала я, Сочельник же самый. Такой же стук.

— И что тогда сделали? Отпустили её просто так?

— А кто ж такое остановит? — бабушка покачала головой. — Дед сказывал — отец его, стало быть, всю ночь потом не спал, всё думал, не спрятать ли девчонку, не увезти ли куда. А наутро сам же и понял — некуда прятать. Раз позвали — стало быть, позвали. Не по злобе, не по прихоти чьей-то. Так уж оно устроено, видать, — раз дар в тебе есть, он тебя всё равно найдёт, хоть на край света беги.

Мать долго молчала, машинально проводя пальцем по краю миски.

— А Ваня... у Вани точно есть этот дар? Может, ошибка какая?

— В свитке твоего сына по имени назвали, — тихо, но твёрдо сказала бабушка. — Отрок Иван. Не абы кто. Ошибок в таких делах, сношенька, не бывает. Люди ошибаются. А это, — она кивнула в сторону стола, где всё ещё лежал свиток, — это не люди пишут.

За окном тонко, на одной ноте, завыл ветер — не сильно, будто пробуя голос, — и снова стих.

— Она хоть жива была там? — спросила мать после паузы. — Ну, счастлива хоть немного?

— Дед говорил — письма присылала, да не только письма. Приезжала сама несколько раз, гостила по неделе — привозила гостинцы разные, невиданные. Дом там большой, сказывала, люди добрые, травам да зельям учат. Радовалась, помню — то есть он мне сказывал, что радовалась, — что при деле оказалась, что не зря её забрали. Выучилась там, закончила всё как положено, да так хорошо, что сама же травам обучать осталась. — Бабушка помолчала. — А потом заигралась. Всё пробовала составы разные на себе — не со зла, а из любопытства да усердия своего непомерного. Составила как-то отраву такую, что сильнее не бывает, да и попробовала. Тут же и не стало её. Замуж, сказывают, так и не успела выйти — жениха ей прочили вроде как, да не срослось. Двадцать четыре года всего и было. Мать закрыла глаза.

— Двадцать четыре...

— Оттого дед и не в себе весь вечер, — сказала бабушка мягче. — Он ведь не за Ваню одного боится. Он за то боится, что снова так же будет. Что опять письма перестанут приходить в один прекрасный день, и весь сказ.

Она поднялась, кряхтя, подошла к печи, поворошила угли — без особой нужды, просто чтобы занять руки.

— Только ты вот что запомни, — сказала она, не оборачиваясь. — Раз уж так вышло — значит, так тому и быть. Плакать сейчас смысла нет, слезами дар не отменишь и Бера не прогонишь. Собирать его надо, вот что. Тепло, крепкое, чтобы не мёрз в дороге. Пусть хоть в этом наша забота будет, раз уж в остальном мы не хозяева.

Мать наконец поставила миску на стол — аккуратно, беззвучно, — и вытерла ладонью глаза, хотя Ваня так и не понял, плакала она всё это время или нет.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Соберём.

В сенях скрипнула дверь — дед возвращался. Разговор оборвался так же тихо, как начался: бабушка вновь занялась печью, мать — посудой, будто ничего между ними и не было сказано.

Ваня медленно опустил край одеяла и лёг на спину, глядя в тёмный, закопчённый потолок.

Двадцать четыре года. Немного, кажется, — а уже нет человека, и осталось от неё только имя, которое в доме боялись произносить вслух.

Ваня попробовал представить себе сестру деда — тихую девочку, потом, наверное, такую же тихую девушку, а после и вовсе никакую, просто имя. Не получалось. Вместо лица в голове упрямо всплывало дедово «опять... опять... опять...» — и то, как оно застряло в комнате даже после того, как дед замолчал.

А умела ли она говорить с животными, как он? Или у неё был какой-то другой дар — раз уж бабушка сказала «травам да зельям учат»? И если умела — слышала ли она когда-нибудь, как пёс жалуется на хозяев, а волк насмехается над ним за это?

Спросить было не у кого. Дед на такие вопросы не отвечал даже про хозяина леса — что уж говорить про родную сестру.

Ваня закрыл глаза, но сон не шёл ещё долго.

Где-то далеко, за лесом, коротко и одиноко провыл волк — тот самый, может быть, а может, и вовсе другой, — и тут же смолк, будто вспомнив, что сегодня не та ночь, чтобы напоминать о себе.

До Сретения оставалось ещё много недель.

Но что-то в доме уже изменилось безвозвратно — так, как меняется вода подо льдом задолго до того, как лёд начинает трещать.

Часть 3. ДРЕВНИЕ КАМНИ.

Сретение началось для Вани не с обычного пробуждения, а с того, что мать растолкала его ещё затемно — раньше, чем в любой другой день, кроме, разве что, самых срочных.

— Вставай, — сказала она тихо. — Умываться, и к столу.

Он сел на полатях, всё ещё сонный, и не сразу вспомнил, почему сегодняшнее утро отличается от всех прочих. А вспомнив — окончательно проснулся.

Дом был уже полон движения. Бабушка гремела у печи чем-то, что явно не входило в обычный распорядок. Мать доставала из сундука его праздничную рубаху — ту самую, в которой он ходил только на Пасху да на именины, — и придирчиво осматривала швы, будто рубаха могла подвести его в самый неподходящий момент.

— Зачем это? — спросил Ваня, кивая на рубаху.

— Затем, что встречают по одёжке, — коротко ответила мать, и по её тону было ясно, что развивать мысль она не собирается.

Его одели во всё лучшее, что нашлось в доме: праздничную рубаху, поверх — тулупчик почище обычного, новый кушак, который бабушка повязала сама, дважды перепроверив узел. Валенки тоже были не будничные, а те, что берегли для гостей и церковных праздников.

— Я как на свадьбу, — заметил Ваня, разглядывая себя.

— Помолчи, — сказала мать, но без злости, а как-то очень устало.

Бабушка тем временем собирала в холщовый мешочек нехитрый перекус: пару варёных яиц, ломоть хлеба, немного вяленого мяса, узелок с сушёными ягодами. Всё это укладывалось аккуратно, слой за слоем, будто от порядка в мешке зависело что-то большее, чем просто удобство в дороге.

— Куда я столько унесу, — сказал Ваня. — В свитке же сказано — что сам снесу.

— Вот и снесёшь, — отрезала бабушка. — Не жирно будет.

Дед в это утро вёл себя ещё страннее обычного. Он долго рылся в сундуке — в том самом, откуда доставал кисет на Сочельник, — и в конце концов вытащил оттуда что-то завёрнутое в тряпицу: небольшую бутылочку чернил, потемневшую от времени, и перо, судя по виду, ни разу толком не использованное. Разложил всё это на краю стола, придвинул огарок свечи ближе, хотя утро уже вовсю разгоралось за окном, и сел, глядя на чистый листок бумаги так, словно не мог решить, с чего начать.

— Деда, ты чего пишешь? — спросил Ваня, подходя ближе.

— Не твоего ума дело пока, — сказал дед, не поднимая головы, но без обычной резкости.

Больше он ничего не объяснил. Обмакнул перо, вывел одну строку, зачеркнул, попробовал снова. Ваня хотел заглянуть через плечо, но бабушка мягко, но решительно отвела его в сторону — не за руку, а просто телом заслонив стол.

К тому времени, как всё было готово — Ваня одет, накормлен, мешочек с едой увязан, — за окном давно рассвело.

Небо было прозрачным, без единого облачка, каким оно бывает только в самые сильные морозы. Солнце светило ярко, но грело так слабо, что от этого сияния почему-то становилось только холоднее на вид. Снег во дворе скрипел под ногами так звонко, что было слышно даже сквозь закрытые двери, — каждый шаг отдавался отдельным, чётким хрустом, будто кто-то методично разжёвывал что-то ледяное.

Семья вышла во двор все вместе и встала у крыльца, глядя в сторону поля и леса за ним.

Никто не появлялся.

Ваня переминался с ноги на ногу, чувствуя, как мороз медленно, но верно подбирается под тулупчик, несмотря на всю праздничную одёжку.

— В свитке же сказано — с рассветом, — тихо сказала мать, ни к кому конкретно не обращаясь.

Дед посмотрел на небо, где солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы никто в здравом уме не назвал это время рассветом.

— Сказано, — согласился он. — Да мало ли что сказано.

Он ничего не прибавил, но по тому, как крепче стала его хватка на собственном локте, Ваня понял: даже дед не ожидал, что придётся ждать так долго.

Прошёл ещё час. Потом другой.

Солнце неумолимо катилось к полудню, снег искрился так, что было больно смотреть, а Бера всё не было.

Продержавшись ещё сколько-то, семья не выдержала мороза и потянулась в избу — все, кроме деда. Он остался стоять на крыльце, кутаясь в тулуп, глядя на опушку так внимательно, будто взглядом мог заставить лес расступиться раньше времени.

Ваня, уже сидя в тепле, то и дело поглядывал в окно.

Прошло ещё минут десять.

А потом лес на краю поля вдруг вздрогнул — не ветром, а так, как вздрагивает чаща, когда сквозь неё продирается что-то очень большое. Треснуло одно дерево, потом другое, и на открытое пространство, ломая мелкий подлесок с такой лёгкостью, будто это были не стволы, а прутики, вылетел огромный бурый медведь.

Он бежал стремительно, но не хаотично — размеренным, тяжёлым галопом, вздымая снежную пыль. И где-то на середине поля, ещё на бегу, его силуэт начал меняться: медвежьи очертания потекли, вытянулись, перестроились, и уже через несколько шагов к дому приближался не зверь, а человек — огромного роста, но идущий с той же самой лёгкостью, с какой мгновение назад бежал медведь, будто вес его тела не имел никакого значения для земли под ногами.

Он не запыхался. Не замедлился после превращения ни на шаг. Дошёл последние сажени лёгким, почти невесомым шагом и остановился напротив деда.

— Здравствуй, Бер, — сказал дед.

— Здравствуй, Макар, — ответил Бер, и голос у него оказался низким, спокойным, как гул дальнего колокола.

Ваня, прилипший к окну изнутри, беззвучно повторил про себя имя. Макар. Он никогда прежде не слышал, чтобы деда звали как-то иначе, чем просто «дед».

— Сильно ты изменился, Макар, — сказал Бер, оглядывая деда с ног до головы без насмешки, скорее с той степенной прямотой, с которой смотрят люди, знающие друг друга слишком давно, чтобы церемониться.

— А ты вот нет, — ответил дед. — Как был зверем, так и остался.

Бер издал короткий звук — то ли смешок, то ли просто выдох.

— Заходи в дом, — сказал дед. — Погреешься с дороги.

— Не по пути мне рассиживаться, Макар. И так уже опоздал против уговора.

— Опоздал — так опоздал, что уж теперь. А в дом зайти всё одно надо. Не по-людски это — на пороге путника мурыжить, будто он тебе чужой какой.

Бер посмотрел на дом за его спиной — небольшую избу, из трубы которой поднимался дым, — и что-то в его тяжёлом взгляде на мгновение смягчилось.

— Ин ладно, — сказал он. — Раз зовёшь.

В избе, когда дверь распахнулась и на пороге показался Бер, стало разом тесно и темно — даже дневной свет из-за его широких плеч почти не проникал внутрь. Он был на две, а то и три головы выше деда, и ему пришлось согнуться чуть ли не пополам, чтобы пройти под низкой притолокой, — а войдя, всё равно остался стоять пригнувшись, будто изба вокруг него сжалась, стоило ему переступить порог.

Смолкло разом всё — даже бабушкина крупа перестала пересыпаться из ладони в ладонь.

Дед встал перед гостем, задрав голову, чтобы смотреть ему в лицо, и вся его обычная суровость на мгновение куда-то делась — осталось только что-то похожее на просьбу, которую тяжело выговорить вслух.

— Сохрани его, — сказал он наконец. — Ивана моего. Чтобы не как с Фёклой.

Бер посмотрел на деда сверху вниз — долго, без раздражения, но и без особой мягкости.

— Моя задача одна, Макар, — довезти отрока до школы. Дальше — не мои дела и не моя власть.

— Я не о том прошу.

— Знаю, о чём просишь. — Бер качнул головой, и от этого движения с его плеч осыпалось немного растаявшего снега. — Только неправильно просишь. Не в моих силах кого-то там сохранить. Довезу в целости — это могу. А что дальше с ним будет — то не по моей части.

Дед сжал челюсти, но кивнул, будто и не ждал другого ответа, а спросить всё равно был обязан.

— Путь неблизкий, — добавил Бер уже мягче, глядя мимо деда, в сторону двери, за которой ждала дорога. — Нам бы выходить.

— Куда спешить, — тут же вмешалась бабушка, поднимаясь навстречу с той решительностью, с какой у неё обычно решались вопросы о еде. — Чайку хоть попей с дороги. Самовар уже почти поспел.

— Не до чаю мне, хозяйка.

— А ты присядь на минуту, — сказала мать, доставая с полки чашки, будто вопрос был уже решён. — Дай хоть с сыном рядом посидеть чуть подольше, пока время есть.

Бер посмотрел на неё внимательно — похоже, фраза его слегка озадачила, — но ничего не ответил.

Ему было тесно и неуютно в избе — это читалось в каждом его движении: он стоял пригнувшись, стараясь занимать как можно меньше места, то и дело поглядывал на низкий потолок, будто ожидал, что тот вот-вот опустится ещё ниже. Люди вокруг, тепло печи, запах хлеба и трав — всё это явно давалось ему тяжелее, чем целый день пути через тайгу.

— Ин ладно, — сказал он наконец, тяжело опускаясь на лавку, которая жалобно скрипнула под его весом. — Одну чашку.

Одна чашка растянулась на добрый час.

Бабушка подкладывала ему то хлеба, то мёду, приговаривая, что в дорогу лучше выходить не на пустой желудок, кем бы путник ни был. Мать расспрашивала о чём-то практичном — тепло ли там, куда везут сына, есть ли кому за ним присмотреть первое время, — и Бер отвечал коротко, но не грубо, будто отвечать на такие вопросы было для него делом непривычным, но не неприятным. Дед сидел молча, изредка подливая себе чаю, которого не пил, — просто чтобы занять руки.

Ваня всё это время сидел рядом, слишком взволнованный, чтобы съесть хоть кусок, и разглядывал Бера с тем же жадным любопытством, с каким разглядывал бы медведя в зверинце, если бы такой когда-нибудь заехал в их деревню, — только этот медведь пил чай, сидя на их собственной лавке, и явно чувствовал себя куда менее уместно, чем любой зверь в клетке.

Наконец Бер поставил чашку — аккуратно, хотя в его огромной руке она казалась игрушечной — и поднялся.

— Пора, — сказал он. — Засветло бы дойти до первой стоянки.

Все вышли во двор прощаться с Ваней.

Во дворе прощание вышло коротким — как бывает, когда долгие слова только оттягивают то, что всё равно придётся сделать.

Мать обняла Ваню первой, крепко, дольше обычного, и не сказала ничего — только уткнулась на мгновение лицом в его макушку, будто хотела запомнить, как пахнут его волосы. Бабушка перекрестила его торопливо и суетливо поправила и без того аккуратный кушак.

Дед подошёл последним. Положил тяжёлую руку Ване на плечо, ничего не сказал внуку — только кивнул один раз, коротко, — а потом повернулся к Беру.

— Береги внука, — сказал он.

Бер промолчал.

Он не кивнул, не ответил, не пообещал ничего — просто посмотрел на деда долгим, тяжёлым взглядом, в котором Ваня не смог прочитать ничего определённого, а в следующее мгновение начал меняться: фигура снова потекла, сгустилась, потемнела, и там, где секунду назад стоял огромный человек, теперь опустился на четыре лапы такой же огромный медведь.

Дед подсадил Ваню на широкую спину — тот вцепился обеими руками в густую загривочную шерсть, чувствуя под пальцами тепло настоящего живого зверя.

— Держись крепче, — сказала мать, и голос её впервые за всё утро дрогнул.

Ваня обернулся, чтобы помахать, но не успел — Бер уже сорвался с места. Двор, изба, фигуры родных на крыльце — всё это одним рывком отлетело назад и смазалось. Мелькнула

изгородь, за ней — открытое поле, а потом сомкнулась над головой тайга: густая, тёмная, безмолвная, глотающая свет с каждым новым шагом всё быстрее.

К месту стоянки подъехали затемно.

Лес кончился так внезапно, что Ваня не сразу понял, что они уже на месте, — просто деревья вдруг расступились, и впереди открылась поляна, а на ней, чёрными исполинскими столбами на фоне звёздного неба, стояли камни.

Их было много — высокие, узкие, вросшие в землю так, будто выросли из неё сами, а не были кем-то поставлены. Даже в темноте Ваня разглядел на ближайшем из них неровные линии, выбитые в камне: спирали, какие-то знаки, силуэт то ли зверя, то ли птицы, стёртые временем почти до неразличимости. Кто их вырезал и когда — угадать было невозможно. Камни выглядели такими старыми, что рядом с ними даже тайга казалась чем-то новым.

Бер остановился в центре поляны, там, где земля была свободна от снега — вытоптанная давным-давно и, кажется, никогда не зараставшая заново. Ваня сполз с его спины, разминая затёкшие ноги, а Бер уже снова стоял в человеческом облике, обходя расчищенный круг тяжёлым, неторопливым шагом.

— Здесь? — спросил Ваня, оглядываясь на камни.

— Здесь, — ответил Бер, не вдаваясь в подробности.

Он опустился на колено там, где, видимо, разводили костры уже не первое столетие — Ваня разглядел под тонким слоем снега тёмное пятно старой золы, — сложил несколько сухих веток, которые непонятно откуда взял, и просто посмотрел на них.

Огонь вспыхнул сразу, ровно, будто дожидался именно этого взгляда.

Ваня вздрогнул.

— Как ты...

— Просто, — сказал Бер, и по его тону было ясно, что дальнейших объяснений не будет.

Они сели друг напротив друга, огонь между ними. Бер вытянул к теплу свои огромные руки, а Ваня развязал мешочек и достал ломоть хлеба, уже успевший подмёрзнуть за долгую дорогу.

Он насадил кусок на тонкую веточку и подержал над огнём, глядя, как корка темнеет и покрывается пузырями. Пахло дымом, морозом и почему-то ещё чем-то — тем особым, почти неуловимым запахом, какой бывает у очень старых мест, где долго ничего не менялось.

Камни вокруг стояли неподвижно, тёмные и молчаливые, и Ваня, разглядывая их поверх огня, впервые за весь день почувствовал не любопытство, а что-то другое — тихое, тяжёлое чувство, будто он сидит не просто на поляне в лесу, а в каком-то месте, у которого есть своя долгая, никому не рассказанная память.

Он не стал спрашивать об этом вслух.

Небо над поляной было настолько чистым, что казалось вымытым и просушенным специально к этой ночи, — ни облачка, ни дымки, только звёзды, россыпь за россыпью, и через всё это огромное пространство наискось тянулся Млечный Путь, будто кто-то щедрой рукой рассыпал по небу горсть колотого сахара.

Ваня, наевшись хлеба и согревшись у огня, начал клевать носом.

— Спи, — сказал Бер. — Дорога дальше не короче будет.

Он не стал дожидаться ответа. Огромная фигура снова потекла, изменилась, и уже через мгновение рядом с костром улёгся медведь — свернулся полукругом, оставив место у своего бока, будто с самого начала знал, что оно понадобится.

Ваня забрался в тёплую впадину между лапой и телом зверя, зарылся лицом в густую тёплую шерсть, пахнущую землёй и лесом. Медведь навис над ним всей своей массой, отгораживая от ветра, и Ваня почувствовал, как рядом, совсем близко, мерно поднимается и опускается его бок — в такт чужому, огромному и спокойному сердцу.

Он провалился в сон почти сразу — глубокий, без сновидений, какой бывает только после очень долгого и очень странного дня.

Проснулся он не от звука.

Он проснулся оттого, что вдруг стало необычно тихо — даже тише, чем бывает обычной морозной ночью. Огонь почти прогорел, тлели одни угли, и в их слабом красноватом свете Ваня не сразу понял, что заставило его открыть глаза.

А потом увидел.

Над дальним краем поляны, заслоняя собой часть неба, медленно поднималась и опускалась чья-то тень — огромная, спокойная, почти неспешная. Звёзды за ней просто на мгновение гасли одна за другой и снова загорались, как только тень уходила дальше. Ничего не гудело, не тряслось, снег под невидимой поступью не проседал ни на волос — просто что-то очень большое неторопливо шло через поляну, легко переступая через камни, костёр и их самих, будто вовсе этого не замечая, как человек не замечает муравейник у себя под ногой.

Ваня замер, вцепившись пальцами в мех.

Медведь под ним чуть шевельнулся — не тревожно, а скорее так, как шевелится взрослый, почувствовавший, что ребёнок рядом проснулся и напуган.

— Спи, — раздался низкий, гулкий голос совсем рядом, хотя Бер так и оставался медведем. — Это Старые боги обходят свои владения. Ты им не интересен.

— А кто это? — прошептал Ваня, провожая взглядом гаснущие и снова зажигающиеся звёзды. — Что это такое?

— О таком лучше не говорить ночью, — так же тихо ответил Бер, и на мгновение его тяжёлый взгляд метнулся вниз, к земле под ними, будто он невольно к чему-то прислушался. — Ещё Горыныча потревожишь. Мало ли, где он сейчас спит.

Ваня резко повернул голову.

— Горыныч правда есть?!

В его шёпоте было столько восторга, что даже сам Бер, кажется, на мгновение позволил себе что-то похожее на усмешку — хотя в темноте это было не разглядеть, только почувствовать по тому, как дрогнул воздух.

— Есть, — сказал он. — Только ты ему не интересен ещё больше, чем этим.

Тень тем временем окончательно скрылась за краем леса, и последние звёзды на её месте зажглись снова, будто ничего и не было.

Ваня ещё долго лежал без сна, глядя в небо и думая о том, что мир, оказывается, полон вещей настолько огромных и настолько древних, что рядом с ними даже самые смелые детские страхи казались смешными.

После такой ночи Ваня уже ни о чём не спрашивал — просто ехал, вцепившись в загривок, поглядывая по сторонам с тем спокойным, немного оглушённым любопытством, с каким смотрят на мир люди, у которых за одни сутки исчерпался весь запас удивления на ближайшую неделю.

Уже после полудня лес начал меняться. Ели становились всё выше и толще, стволы — тяжелее, а тени между ними — гуще, будто сама тайга здесь стояла дольше, чем где-либо ещё. Ваня не мог бы сказать, чем именно это место отличалось от пройденного пути, но чувствовал разницу кожей, как чувствуют перемену погоды загодя, ещё до первых туч.

Бер вдруг остановился.

Он не сказал ни слова — просто замер, и Ваня послушно сполз с его спины, разминая ноги. Медведь тут же начал меняться, оборачиваясь человеком, и, уже приняв прежний облик, встал неподвижно, глядя в чащу перед собой, будто чего-то ждал.

Ждать пришлось недолго.

Из-за деревьев, без единого звука, без хруста веток под ногами, вышел кто-то — невысокий, сутулый, весь спутанный, как старый корень, с бородой, в которой запутались хвоя и труха, и с глазами настолько тёмными, что в них не отражался даже снег вокруг.

— Явился, — сказал Леший вместо приветствия, без особой радости, но и без враждебности — так говорят о ком-то знакомом, кто вечно приходит не вовремя.

— Явился, — согласился Бер.

— Опять на обучение везёшь?

— Опять.

Леший обошёл Ваню кругом, разглядывая его с ленивым, неспешным вниманием, каким разглядывают не человека даже, а какую-то мелкую, но необходимую формальность.

— Дань платить будете, или как обычно — обещаниями кормить станете?

— Дай мальцу разобраться, — сказал Бер и повернулся к Ване. — Дед тебя чему учил, забыл?

Ваня не сразу понял, о чём речь, а потом вспомнил — прошлое лето, поход за грибами, краюха хлеба на пне.

— Хозяину положено оставить, — сказал он не очень уверенно. — Чтобы пропустил.

— Молодец мальчонка, — одобрительно заметил Леший, впервые взглянув на Ваню с чем-то похожим на интерес. — Дед хоть чему-то путному научил, не только лбом в печку тыкаться.

Ваня торопливо развязал мешочек, оставшийся почти пустым после ночи у камней, и, немного растерявшись, протянул Лешему последний кусок хлеба.

Тот принял его двумя пальцами, обнюхал, будто проверяя качество, и удовлетворённо кивнул.

— Сойдёт. Проходите.

Он развернулся и пошёл первым, не оглядываясь, — и лес перед ним будто сам подавался в стороны, освобождая едва заметную тропу там, где секунду назад стояла сплошная стена стволов.

Бер и Ваня двинулись следом.

— Ну а сам-то как? — спросил Леший, не оборачиваясь, тоном человека, который заводит разговор просто чтобы скоротать дорогу. — Всё бегаешь туда-сюда?

— Бегаю, — коротко ответил Бер.

— А я вот всё сижу тут. Из года в год одно и то же — то грибники заплутают, то охотники не туда сунутся, то вот вы с очередным дитём. Скукота смертная.

— Так пойди в город, поживи среди людей.

Леший фыркнул так, что с ближайшей ветки посыпался снег.

— Мне ваш шум ни к чему. Тут хоть тихо.

Они шли ещё примерно с полчаса — тропа петляла между деревьями так, что Ваня давно потерял всякое представление о направлении, то забирая резко в сторону без видимой причины, то вдруг устремляясь прямо, будто лес сам решал, куда именно им идти. Деревья постепенно становились реже, воздух — светлее, а где-то впереди сквозь стволы уже пробивалось тёплое, желтоватое сияние множества огней.

Леший остановился у последней кромки леса, там, где деревья расступались уже окончательно.

— Ну, добрались, — сказал он без особой торжественности. — Дальше сами.

И, не прощаясь, растворился обратно в чаще — так же беззвучно, как появился.

Перед Ваней, за последним рядом старых елей, открылись высокие бревенчатые стены Вежи с воротной башней — прочные, потемневшие от времени, но обжитые, с фонарями по бокам от входа и лёгким дымком, поднимающимся откуда-то из-за них.

За воротами оказалось шумнее, чем Ваня ожидал после всего пройденного пути.

Узкие деревянные улочки разбегались во все стороны, освещённые фонарями на резных столбах, а вдоль них теснились дома — такие же бревенчатые избы, как у него в деревне, только выше, наряднее, с расписными наличниками и коваными петухами на коньках крыш. Пахло дымом, свежим хлебом, ещё чем-то незнакомым — не то травами, не то каким-то варевом, доносившимся из открытой двери одной из лавок. Люди спешили мимо, кутаясь в тулупы, кто-то тащил санки с дровами, кто-то торговался у прилавка, где на морозе горой лежала мороженая рыба, — обычная городская суета, если бы не пара мелочей, на которые Ваня то и дело натыкался взглядом.

Мимо, топоча маленькими лапами по утоптанному снегу, промчались трое каких-то существ ростом ему по пояс — лохматые, покрытые то ли шерстью, то ли перьями, с огромными любопытными глазами, — переговариваясь между собой на языке, состоявшем сплошь из щебета, щёлканья и коротких присвистов. Один из них на бегу обернулся, глянул прямо на Ваню блестящими глазами и тут же снова уставился вперёд, крикнув что-то своим спутникам, отчего все трое захихикали неразборчиво и скрылись за углом.

Ваня проводил их взглядом, но спросить ничего не успел — Бер шёл молча, уверенно, не сбавляя шага, и было понятно, что сейчас не время для расспросов.

Они прошли ещё немного, когда навстречу им, легко перепрыгивая через сугроб у обочины, выскочила девушка — рыжая, с растрёпанными на морозе кудрями, выбившимися из-под цветастого платка.

— Бер! — крикнула она издалека. — Тебя только за смертью посылать, честное слово! Принёс?

— Принёс, — ответил Бер, доставая из-за пазухи несколько яблок — крепких, ядрёно-красных, совсем неуместных посреди зимы, — и протягивая их девушке. — Как просила, если найду где по дороге.

Она приняла яблоки с той же торжественностью, с какой принимают что-то по-настоящему ценное, тут же убрала их в сумку и только после этого, наконец, перевела взгляд на Ваню.

— Ух ты, — сказала она. — А это кто с тобой?

— Новенький, — сказал Бер. — Отведи его к школе. Мне ещё в один конец города надо, а время позднее.

— Само собой, отведу, — она уже протягивала Ване руку так уверенно, будто они были знакомы всю жизнь. — Меня Люба зовут.

— Ваня, — выговорил он, всё ещё немного оглушённый и дорогой, и городом, и внезапной рыжей девушкой посреди всего этого.

Бер молча кивнул им обоим, развернулся и зашагал прочь — большими, тяжёлыми шагами, не оборачиваясь, — а Люба уже тянула Ваню за собой в другую сторону.

— Пойдём, пойдём, замёрзнешь тут стоять, — говорила она на ходу. — Сейчас покажу тебе нашу школу. Только сразу скажу — она немного... с характером.

— В смысле — с характером?

Люба заговорщически улыбнулась, но объяснять не стала, только потянула его быстрее — туда, где над крышами домов уже поднимались, теряясь в низком зимнем небе, белые каменные башни.